

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

В В В И Л О Н
Ж Б Е Р Л И Н
ФОЛЬКЕР
КУЧЕР

Москва
2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
К95

Volker Kutscher
DER NASSE FISCH

Originally published in the German language as «Der nasse Fisch»
by Volker Kutscher.
© 2007, 2008, Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG,
Cologne/ Germany.

Кучер, Фолькер.
К95 Вавилон-Берлин / Фолькер Кучер ; [пер. с нем. Т. В. Садовниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Кинопреьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-089674-5

Берлин 1920-х... Город, в котором делается история — бьются на баррикадах коммунисты и копят силы нацисты. Европейский Вавилон, столица порока, где полиция нравов всегда соберет богатейший урожай. Но это вовсе не устраивает служащего в ней Гереона Рата: он мечтает попасть в отдел по расследованию убийств. Когда обнаруживается труп со следами зверских пыток и работники «убойного» беспомощно разводят руками, не имея ни малейшей зацепки, он понимает, что это шанс провести успешное личное расследование и добиться желанного перевода. Ведь по чистой случайности ему кое-что известно об убитом. Берясь за дело, комиссар совершенно не представляет, в какое осиное гнездо он сует нос...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-089674-5

© Перевод на русский язык. Садовникова Т.В., 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Э», 2017

Афин-на-Шпрее¹ больше нет,
а Чикаго-на-Шпрее процветает.

*Вальтер Ратенау*²

Нельзя всегда получать все, чего хочется,
Но если постараться,
Можно получить то, что действительно нужно.

«The Rolling Stones»

---

¹ Афины-на-Шпрее — поэтическое название Берлина, которое город получил в XIX веке, став мировой сокровищницей художественных ценностей и общеевропейским центром культурной жизни.

² Вальтер Ратенау (1867—1922) — немецкий политик, министр иностранных дел Германии в 1922 г.

Труп в Ландвер-канале

28 апреля — 10 мая 1929

1

Интересно, когда они вернутся? Он прислушался. В темноте малейший шорох казался адским шумом, любой шепот превращался в рев, и даже тишина звенела у него в ушах. Все не стихающий гул и рокот. Он почти обезумел от боли. Надо было взять себя в руки, не обращать внимания на такой громкий звук капель. Капель, которые падали на твердую, влажную поверхность. Он знал, что это была его собственная кровь, капающая на бетон.

Он не имел понятия, куда они его притащили. Куда-то, где его никто не слышал. Его крики не выводили их из себя, они были к ним готовы. Подвал, предположил он. Или склад? Во всяком случае, это было помещение без окон. Сюда не проникал ни один луч света — виднелось лишь слабое мерцание. Последние частицы света, которые он мог еще видеть с тех пор, как, стоя на мосту, смотрел вниз на огни проходящего поезда, погрузившись в свои мысли. Мысли о плане, мысли о ней. А потом был удар и падение в темноту. В темноту, которая его с тех пор не покидала.

Он дрожал. Лишь веревки на локтевых сгибах удерживали его в вертикальном положении. Ноги больше не слушались его, их больше не было, они превратились теперь просто в сплошную боль, как и его кисти, которые бездействовали. Он вложил всю свою силу в плечи и попытался оторваться от пола. Веревка терла руки. Все его тело покрылось потом.

Картины сменяли одна другую, и он не мог вытеснить их из своей памяти. Тяжелое небо. Его рука, крепко привязанная к стальной балке. Звук треснувших костей. Его костей. Невыносимая боль. Крики, превратившиеся в единый оглушительный рев. Обморок. А потом возвращение из ночной темноты: боль, пуль-

сирующая на самых крайних точках его тела, но не проникшая внутрь — ему удалось ее удержать.

Они сломали его наркотиками, которые уменьшили боль. Так они хотели добиться его уступчивости, и ему пришлось бороться со своей слабостью. Знакомый язык также размягчил его сердце. Но голоса звучали жестче, чем в его воспоминаниях. Значительно жестче. Холоднее. Озлобленнее.

Светлана говорила на том же языке, но как он звучал! Совсем иначе. Ее голос клялся в любви и раскрывал тайны, в ее голосе была доверительность и обещание. Да, она даже вновь оживила светлый город. Город, который он покинул. Он никогда не сможет забыть его, даже на чужбине. То место останется его городом, городом, который заслужил лучшего будущего. Его страной, которая заслужила лучшего будущего.

Разве не хотела она того же? Изгнать преступников, которые захватили там власть. Он вспоминал ночь, бессонную ночь в ее постели, теплую летнюю ночь, и ему казалось, что после этого прошла уже целая вечность. Светлана... Они любили друг друга и доверяли друг другу свои сокровенные мысли, соединив их в одну большую тайну, чтобы немного приблизиться к своим надеждам.

Все шло так хорошо! Но кто-то, должно быть, предал их, и они его похитили. А Светлана? Если бы только знать, что с ней стало! Кругом враги.

Они притащили его в это темное место. Он знал, о чем они будут его спрашивать, еще до того, как услышал вопросы. Он отвечал, но ничего не выдал. И они этого не заметили. Они были глупы. Жадность сделала их слепыми. Поезд был уже в пути, и они не должны были об этом узнать. Ни при каких обстоятельствах. План должен быть вот-вот исполнен. Он посмотрел им в глаза, прежде чем они нанесли удар, и увидел там жадность и глупость.

Первый удар был самым ужасным. Все, что было потом, лишь распространило боль дальше, по всему телу.

Уверенность в неизбежности смерти сделала его сильным. Он мог вынести осознание того, что никогда больше не сможет ходить, никогда больше не сможет писать и никогда больше не сможет прикоснуться к ней. Она была теперь только воспоминанием, и он должен был с этим смириться. Но и это воспоминание навсегда останется с ним.

Пиджак. Он должен добраться до своего пиджака. Хотя это почти невозможно. Там у него была капсула. Как и у всех, кто владел тайной, которая не должна была стать достоянием врага. Он среагировал слишком поздно и не распознал ловушку, иначе бы уже давно раскусил капсулу. Поэтому она все еще была вшита в подкладку его пиджака, который лежал там, на стуле, очертания которого он мог различить в темноте.

Они не надели на него наручники. После того как ему раздробили руки и ноги, его подвесили на тросе, чтобы было удобнее издеваться над ним, как только он вновь очнется от боли. Они не приставили к нему охрану — настолько были уверены, что никто не услышит его криков. Он знал, что это его последний шанс. Действие наркотика ослабевало. Боль станет невыносимой, и он, вероятно, снова потеряет сознание, если веревка не будет его больше удерживать. Как надолго? Мысль о подступающей боли превратилась в воспоминание о перенесенных муках, и у него на лбу выступил пот.

Выбора не было.

Сейчас!

Он сжал зубы и закрыл глаза, после чего вытянул обе руки, и локтевые сгибы потеряли свою опору — а вместе с ними и все его тело. Кашеобразное месиво, которое когда-то было его ногами, сначала коснулось пола. Он закричал еще до того, как рухнул торсом на бетонный пол, и вибрация от удара вновь усилила боль в кистях. Только не потерять сознание! Кричи, но оставайся на поверхности, не погружайся в небытие! Он скрючился на полу и задышал ртом. Колющая боль чуть отпустила. Он справился! Он лежал на полу и мог двигаться. А потом он пополз на локтях и коленях вперед, оставляя за собой кровавый след.

Довольно быстро он оказался у стула и зубами стащил вниз свой пиджак. Он жадно схватил его, зажал правым локтем и вцепился зубами в подкладку. Он дергал и рвал ее, и пронзавшая его боль придавала его действиям еще больше ярости. Наконец раздался громкий треск, и подкладка разорвалась.

Внезапно он безудержно зарыдал. Им овладели воспоминания — так хищная кошка хватается свою жертву и начинает ее трясти. Это были воспоминания о ней. Он никогда ее больше не увидит. Он знал это с тех пор, как они заманили его в ловушку, но именно теперь он неожиданно понял, как любил ее. Как сильно он ее любил!

Постепенно он успокоился и стал искать языком капсулу. Сначала он наткнулся на какой-то мусор и нитки, но потом нашупал гладкую и прохладную поверхность. Резцами он осторожно потянул капсулу из подкладки. Готово! Она была у него во рту! Капсула, которая всему положит конец! Торжествующая улыбка скользнула по его искаженному болью лицу.

Они ничего не узнают. Они будут взаимно обвинять в этом друг друга, потому что глупы.

Он услышал, как наверху хлопнула дверь. В темноте, напоминающая удар грома, раздался какой-то шум, который стал постепенно затихать. Шаги по бетону. Они возвращались. Может быть, они услышали крик? Он зажал капсулу зубами, готовый в любой момент раскусить ее. Сейчас он смог бы это сделать. В любое мгновение он мог покончить с этим. Он еще немного подождал. Они должны войти. Он хотел насладиться своим триумфом до последней секунды.

Они должны это увидеть! Они должны беспомощно стоять рядом и смотреть, как он уходит от них.

Он закрыл глаза, когда открылась дверь и яркий свет проник в темноту. Потом он впился в ампулу зубами. Легкий щелчок — и стекло раскололось у него во рту.

2

Мужчина немного напоминал Вильгельма II. Характерные усы, колючий взгляд. Как на портрете, который во времена кайзера висел в доме каждого добропорядочного немца, а во многих домах сохранился до сих пор, хотя кайзер больше десяти лет тому назад отрекся от престола и теперь выращивал в Голландии тюльпаны. Те же усы, те же сверкающие глаза. Но этим сходство и заканчивалось. На этом «кайзере» не было островерхой каски — она висела вместе с саблей и униформой над стойкой кровати. На нем не было никакой одежды, зато бросались в глаза лихо закрученные наверх усы и впечатляющая эрекция. Перед ним на коленях стояла не менее обнаженная женщина пышных форм, которая, очевидно, намеревалась выразить кайзеру должный респект.

Герен Рат вяло перебирал фотографии, целью которых было пробудить желание. Другие фотографии изображали кайзеровского двойника и его партнершу уже в действии. Независимо от

того, как были переплетены их тела, выдающиеся усы «кайзера» всегда были в кадре.

— Мерзость!

Рат оглянулся. На фотографии, заглянув ему через плечо, смотрел полицейский.

— Что за мерзость, — продолжил этот человек в синей униформе, качая головой. — Это оскорбление монарха, раньше за это сажали в тюрьму.

— Но наш кайзер ведь не выглядит столь обиженным, — отозвался Гереон. Он захлопнул папку с фотографиями и положил ее назад на шаткий письменный стол, который предоставили в его распоряжение. Собеседник в синей униформе ответил ему злым взглядом из-под форменной фуражки, после чего молча повернулся и направился к своим коллегам. В комнате собрались еще семь полицейских: они негромко переговаривались, а некоторые из них грели руки, обхватив чашки с кофе.

Рат посмотрел в их сторону. Он знал, что у сотрудников 220-го отделения достаточно других забот, чтобы еще и оказывать дружескую поддержку чиновнику криминальной полиции с Алекса¹. В последние три дня ситуация осложнилась. В среду было первое мая, и начальник полиции Цёргибель запретил все майские демонстрации в Берлине, но коммунисты, несмотря на запрет, были намерены пройти маршем. Полиция была на взводе. Распространялись слухи о планируемом путче: большевики хотели поиграть в революцию и спустя десять лет все же создать Советскую Германию. И в 220-м отделении полицейские нервничали больше, чем во многих других районах Берлина. Нойкёльн считался рабочим кварталом. Более красным был, пожалуй, только Веддинг.

Стражи порядка перешептывались. Время от времени полицейский в синей униформе украдкой посматривал на комиссара. Рат щелчком выбил из пачки «Оверштольц» сигарету и закурил. Ему не требовалось объяснять, что его визит сюда можно было сравнить лишь с появлением Армии Спасения в ночном клубе — это было очевидно. Отдел полиции по борьбе с проституцией не пользовался в полицейских кругах доброй репутацией. Еще два года тому назад первоочередной задачей инспекции Е являлся контроль за борделями в городе. Некий вид узаконенной прости-

---

¹ Краткое название Управления полиции на площади Александерплац.

туции, так как только зарегистрированные в полиции «ночные бабочки» могли легально заниматься своим ремеслом. Многие чиновники бессовестно пользовались этой зависимостью, пока новый закон по борьбе с венерическими заболеваниями не переложил эти задачи с полиции нравов на учреждения здравоохранения. С тех пор инспекция Е занималась нелегальными ночными клубами, сутенерами и порнографией, хотя ее репутация едва ли изменилась. Постоянно сохранялось ощущение той грязи, которой полицейским приходилось заниматься по роду их деятельности.

Некоторое время Гереон выпускал клубы дыма над письменным столом. С форменных фуражек, висевших на крючках, стекала на пол дождевая вода. Пол был покрыт зеленым линолеумом, точно таким же, какой был в кабинетах криминальной полиции на Александерплац. Серая шляпа Рата казалась инородным телом среди черного лака и сверкающих полицейских звезд, как и его пальто на фоне синих форменных шинелей. Гражданское лицо среди сплошных униформистов.

Кофе в эмалированной кружке с вмятинами, которым они его угостили, был отвратительным. Черная мерзкая жижа. В 220-м отделении полицейские тоже не умели варить кофе. Хотя почему в Нойкёльне это должно быть иначе, чем на Алексее? И все же Гереон сделал еще один глоток. Ему не оставалось ничего другого. Только поэтому он и сидел здесь: чтобы ждать. Ждать телефонного звонка.

Он еще раз взял с письменного стола папку. Фотографии, на которых были изображены двойники Гогенцоллернов¹ и прочих прусских знаменитостей в красноречивых позах, не были обычной дешевкой. Это была не просто печать, а добротные фотоснимки высшего качества, аккуратно уложенные в папку. Тот, кто это приобрел, должно быть, основательно раскошелился. Подобный вариант предназначался для достаточно высоких кругов. На вокзале Александерплац эту продукцию распространял торговец журналами всего лишь в нескольких шагах от Полицейского управления и офиса инспекции Е. Этот мужчина бросился в глаза полицейскому наряду только потому, что у него сдали нервы. Двое полицейских всего лишь хотели указать торговцу на без-

---

¹ Династия, правившая последовательно Бранденбургом, Пруссией и Германией с XV в. по 1918 г. (Вильгельм II — последний монарх).

обидный журнал, который упал у него с лотка, но когда они приблизились, он бросил весь свой ассортимент и дал деру. Вместе с журналами вокруг красных ушей молодых полицейских кружились глянцевые порнографические фотографии. От восхищения мастерством фотомоделей они едва не забыли о преследовании лоточника, а когда, наконец, начали погоню, тот уже исчез в хаосе строительной площадки, расположенной вокруг Алекса. И это стоило обоим полицейским повторного покраснения ушей, когда они прибыли в Управление и положили на стол Ланке свою находку вместе с отчетом. Шеф инспекции Е умел пошуметь. Советник по уголовным делам Вернер Ланке придерживался мнения, что доброжелательность может повредить его авторитету. Герعون вспомнил, как приветствовал его новый начальник четыре недели тому назад.

— Я знаю, что у вас хорошие связи, Рат, — набросился на него Ланке, — но если вы думаете, что по этой причине вы не должны влезать в эту грязь, то вы заблуждаетесь! Здесь ни для кого не будет исключений. Тем более для человека, о котором я не просил!

Первый месяц Рата в инспекции Е почти уже подходил к концу. Это время показалось ему наказанием. Возможно, оно таким и было, хотя его не разжаловали, а только перевели в другой отдел. Он был вынужден уехать из Кёльна и расстаться с отделом по расследованию убийств, но все еще оставался комиссаром по уголовным делам! В его планы не входило вечно сидеть в полиции нравов. Он не понимал, как Дядя это выносил, но работа в инспекции Е, кажется, доставляла его коллеге удовольствие.

Старший комиссар Бруно Вольтер, которого за его добродушие многие коллеги называли *Дядей*, руководил их следственной группой, а также сегодняшней полицейской облавой. На улице, во дворе полицейского участка, стоял полицейский автофургон. Вольтер с двумя дамами из женской уголовной полиции и с руководителем дежурного отряда обсуждал там детали предстоящей операции. Она могла начаться в любой момент — все ждали только звонка Йенике. Рат представил себе, как этот новичок сидит в затхлой квартире, которую они реквизируют для наблюдения за студией — в одной руке бинокль, в другой, нервно дрожащей, телефонная трубка. Ассистент по уголовным делам Штефан Йенике пришел в полицию нравов лишь в начале апреля, *едва упав с дуба*, как иногда дразнил его Бруно, так как этот молодой человек получил назначение на службу в Алексее сразу после окончания

полицейской школы в Айхе¹. Но молчаливого светловолосого выходца из Восточной Пруссии не смущало подтрунивание старших коллег, он серьезно относился к своей профессии.

Зазвонил телефон на письменном столе. Гереон раздавил сигарету в пепельнице и снял черную блестящую трубку.

* * *

Полицейский автофургон остановился прямо перед большим доходным домом на Германнштрассе. Прохожие недоверчиво наблюдали, как с платформы спрыгивали молодые полицейские в униформе. Полицию в этой части города не особо жаловали. В полутемной арке, которая вела в задние дворы, ждал Йенике, сунув руки в карманы пальто, подняв воротник и надвинув шляпу на лоб. Рат подавил улыбку. Штефан приложил максимум усилий, чтобы выглядеть как опытный полицейский в крупном городе, но неизменный румянец на щеках выдавал в нем деревенского парня.

— Здесь, должно быть, не меньше десятка людей, — сказал новичок, пытаясь не отставать от Рата и Вольтера. — Я видел Гинденбурга, Бисмарка, Мольтке, Вильгельма Первого, Вильгельма Второго и даже Старого Фрица².

— Н-да, я надеюсь, еще и пара девочек, — сказал Дядя и направился во второй двор. Обе дамы мрачно засмеялись. Полицейские в гражданской одежде и десять человек в униформе последовали за старшим комиссаром во второй задний дом. Во дворе пятеро мальчишек играли жестяной банкой в футбол. Увидев отряд полиции, они остановились и запустили банку кружиться в ее последнем дребезжащем пируэте. Вольтер приложил указательный палец к губам, и самый старший из мальчишек, примерно лет одиннадцати, молча кивнул. Наверху захлопнулось окно. «*Фотоателье Иоганна Кёнига, 4-й этаж*» гласила медная табличка у входа в подъезд.

Дядя вынужден был потревожить одного из своих многочисленных информаторов в уголовном мире Берлина, чтобы выйти на след Кёнига, так как фотограф был еще неизвестной личностью для полиции. Он делал недорогие фотографии на документы для не очень состоятельных клиентов Нойкёльна. Иногда это

---

¹ Die Eiche (*нем.*) — дуб.

² Король Пруссии Фридрих Великий.

были традиционные семейные фотографии: младенцы на шкуре белого медведя, дети со школьными сумками, новобранцы и все то, что пожелает клиент. Как аморальный субъект этот фотограф пока себя никак не проявил. Не было за ним и никаких правонарушений. И все же одна запись о нем в полиции фигурировала. Причем носила она политический характер. Чтобы попасть в поле зрения полиции, необязательно нужно совершить наказуемое деяние. Рат решил прошерстить объемную картотеку отдела IА политической полиции и наткнулся на запись, которая дремала там уже лет десять: в 1919 году политическая полиция зарегистрировала Иоганна Кёнига как анархиста и посвятила ему персональную, правда, скудно заполненную карточку. После революционных событий фотограф больше не засвечивался по политическим делам и опять занялся частной практикой, как и многие другие. Но сейчас его очевидная антипатия к блеску и славе Пруссии все же привела к неким проблемам с законом. Неудивительно, подумалось Герону, с такой фамилией выступление против монархии просто не может привести ни к чему хорошему.

У молодого полицейского из отряда особого назначения, похуже, в голове пронеслись те же мысли.

— Кайзер занимается сексом у короля¹, — пошутил он и с нервной ухмылкой посмотрел на окружающих.

Никто не отреагировал на шутку. Бруно Вольтер поставил остряка на пост перед входом в задний дом. С остальными полицейскими они тихо, насколько это было возможно, поднялись вверх по сумеречной лестнице, на которую падал тусклый дневной свет. Где-то в доме по радио звучал шлягер. На первом этаже открылась дверь — седовласая бабуля высунула на лестницу свой нос и тут же, как только увидела группу стражей порядка, исчезла в глубине квартиры. Две женщины и двенадцать мужчин поднимались, не издавая ни единого звука. На самом верхнем этаже, перед последней дверью, они остановились. На ней было написано «*Иоганн Кёниг, фотограф*». На сей раз надпись была не на медной табличке — она была напечатана на пожелтевшем картоне, который уже достаточно покоробился. Вольтер ничего не сказал и только взглянул на командира спецотряда и приложил указательный палец правой руки к губам. В полной тишине были

---

¹ Нем. König означает «король», титул «кайзер» здесь читается как «император».